

Начало см. в №№ 7-8 – 2014

***

Роман НЕНАШЕВ умеет эпатировать читателя, заявляя, например, о себе: “В меру умён и в меру же начитан. Много думаю на разные отвлечённые темы. Пишу редко”. Однако за этим лёгким и добродушным эпатажем стоит всего лишь самоирония человека, которому есть что сказать, но который понимает некую бессмысленность, ненужность высказывания в сегодняшнем мире, в котором, как никогда ранее, любой разумный голос оказывается гласом вопиющего в пустыне. И тогда появляется соблазн – говорить, собственно, с самим собой, как Чаадаев или Чацкий, при этом доводя свои немногочисленные монологи до возможного совершенства...

В стихах Романа Ненашева, практически всегда виртуозно сделанных, есть некоторый эстетизм, своего рода литературное гурманство, когда человек понимает, что умеет мастерски делать своё дело. Любую историю он доводит в собственном письме до блеска, блики которого, правда, иногда могут отвлекать от сути высказываемого, но, после определённого вглядывания и вдумывания в сюжет, ты понимаешь, что форма вполне соответствует содержанию, а часто и возвышает это содержание:

*Казалось, целый день до сентября,
И жизнь моя длинна и безголова.
И если я выдумываю слово,
То бога нет, нечестно говоря.
Десятый год. Седьмое января.
Весь день – воспоминание былого.
Наутро смерть приятеля Крылова.
Метель. Цветы. Лицо из янтара...*

Конечно, эти “Метель. Цветы. Лицо из янтара” – запоминающийся изыск. Но читается это с удовольствием, тем более что в пору всеобщего катастрофического непрофессионализма, падения культуры вообще и падения культуры стиха в частности особенно остро чувствуется дефицит такой поэзии...

Изысканность формы всегда предполагает наличие истоков, того, что когда-то называлось “школой”, хотя Владимир Соколов однажды по этому поводу мудро заметил: “Нет школ никаких, только совесть...”. И всё же, всё же... нельзя не заметить некоторую близость, например, стихотворения Романа Ненашева о цирке и со “Столбцами” Заболоцкого, и с известными стихами о цирке Александра Кушнера.

Среди написанного Романом Ненашевым немало запоминающихся, мощных по темпераменту и форме стихов, но даже и среди них выделяется стихотворение “Страна, где теплятся идеи”, в котором ярко явлен трагический дар поэта:

*Страна, где теплятся идеи
И время сыплется в кулюки,
Где вырастают орхидеи
И заводные мотыльки,
Где джинн в оранжевой бутылке
Пускает носом пузырьки,
Где разбиваются затылки
По мановению руки... –
Там и живёт моя отрада
В одноэтажном тереме.
И, значат, мне, и, значат, надо
Шагать в египетскую тьму –
Туда, где путаются даты,
Как их с утра ни запиши,
Как олеянные солдаты
И на столе карандаши,
Где салютуют канонада
И запах крови на траве.
И, значат, мне, и, значат, надо
Лечься с дыроу в голове...*

Трагедизм в стихах Ненашева был и в более ранних стихах, например в стихотворении “Война случится, и, положим, в среду...”, вошедшем в антологию “Русская поэзия. XXI век”. Но там ощущение катастрофы, предчувствие мировой войны описывалось как новая Антиутопия, в которой абсурдистские образы были перемешаны с экспрессивной лексикой, с иронией, с безумием “Сумасшедшего трамвая” Гумилёва:

*Война случится,
и, положим, в среду.
Положим, что Шестая мировая.
И я, пожалуй, загодя уеду,
Дождавшись 31-го трамвая.
И порох ляжет запахом на ели,
И по команде, скажем, сисадмина
Натасканные кокер-спаниели
Найдут в подвале*

*залежь кетамина...
И город полнет на две половины
И ишты, что будут безусловны:
Одни, допустим, в знании невинны.
Другие – по незнанию виновны...
И город, сев на антидепрессанты,
Украстит транспарантами аллеи.
И с неба будут падать диверсанты,
Как листья
с пожелтевших тополей...*

Роман Ненашев – истинный поэт, без всяких натяжек, во всём: в стихах, в жизни, в поведении, – насколько я мог узнать его. Во всяком случае, за творческую судьбу человека, написавшего в своей “краткой биографии”: “В очередной раз подивился красоте русского языка и неизбежности хронологического порядка поэмы великого слепого старца – уроженца семи греческих городов”, – можно быть спокойным.

***
Григорий АРТЮХОВ был уникальной личностью в на-

Геннадий КРАСНИКОВ

шем семинаре. Во-первых, он был старше всех, даже старше руководителя семинара. Во-вторых, он был одним из благороднейших и чистых людей, которых мне довелось встретить на своём пути. В-третьих, зная о своей смертельной болезни, он, несмотря на тяжёлое, порою просто невыносимое состояние, вкалывал, пожалуй, больше других, прекрасно учился, с блеском сдавал все зачёты и экзамены. При этом он был оптимистом и успевал влюбляться (всерьёз и надолго!), писал едва ли не по два-три стихотворения в день, заваливая мой электронный почтовый ящик всё новыми и новыми стихами, которые раз от разу становились всё лучше и лучше. Он был истинный поэт, и ему, наверное, вполне можно было обойтись без всей этой студенческой морки. Но Литературный институт стал для него настоящим человеческим и творческим счастьем и, думаю, продлил на несколько лет его источающуюся от болезни короткую жизнь. Здесь у него словно открылось второе дыхание, появилось новое вдохновение, вера в свои поэтические силы. Он мощно вливался в себя культуру, знания, умел слушать и соглашаться с дельными замечаниями, всегда деликатно и по-взрослому бережно высказывался о стихах своих юных сокурсников...

Жаль, что мы познакомились так поздно и я не имел возможности помочь ему раньше. Но всё же ещё при жизни я успел сказать ему добрые слова о его поэзии, он успел выпустить книгу “Разговор с часовщиком” с моим предисловием, успел я написать ему и рекомендацию в Союз писателей и поторопить питерцев с приёмом Артюхова в Союз, но, к сожалению, корочки члена Союза писателей подошли только ко грубу талантливого поэта...

Пожалуй, давно у великого града Петра не было столь оригинального летописца и бытописца. Как бы дерзко это ни прозвучало, но беру на себя смелость утверждать, что к Петербургу Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Заболоцкого, Шнефнера, Горьковского, Кушнера в нашей литературе добавились и неповторимый, забавный и милый, непарадный Петербург Артюхова. Скажем, такой, как в этой остроумной иронической миниатюре:

*В климатическом смысле,
в Петербурге – не в Нальчике...
Даже читающим по Браиллю
город интересен!
И напрасно его присплавляют
коммуналищики:
Вспомнить бы о Пушкине!*

*Гоголе им –
Уж те на “язык” его пробоваля,
И не говорил: “Пресен”,
("О зимнем Петербурге")*

В поэзии Артюхова замечательно редкое ныне качество – сострадание к ближнему, к бедному, к отверженному человеку. Без пафоса и голый публицистичности он умеет говорить горькие и важные вещи о том, что переживает сегодня Россия, и о том, кого, по гоголевской традиции, называют “маленьким человеком”. Потому так органичны в его творчестве стихи, даже названия которых говорят сами за себя – “Святоточный монолог питерского бомжа”, “Монолог городского воробья”, “Разговоры, подслушанные на помойке”, “Из жизни женщины”, “Ночь на зимнего Николу...”, “Поезд № 55” и, конечно же, нечаянно оказавшееся программным прекрасное стихотворение “Разговор с часовщиком”...

В этом стихотворении – суть поэтического характера Артюхова, где ироничный склад поэта так естественно сочетается с грустью и мудростью, с народной и книжной культурой. Неслучайно на профессиональный философский вопрос часовщика о причинах неисправности часов:

*...Что – контрамоцией грешат?..
Стоят?.. Или в беспечности
Неосмотрительно спешат
К руинам бесконечности?.. –*

поэт отвечает, как поэт и немножко клоун или городской сумасшедший, который и может быть сегодня последним истинным философом:

*– Нет, – я сказал часовщику, –
уроженца семи неточные,
А...*

*Утром не кричат “ку-ку”
Мои часы песочные...*

В этом странном, в чём-то похожем на юродство Николая Глазкова разговоре посреди городской суесть XXI века открываются глубокие философские смыслы. В них исторический и современный Петербург, и лирика, и усталость от урбанизации, и вечность в сиюминутности, поскольку в часах Поэзии песок – отнюдь не сахарный, а перемешанный с солью и памятью времён песок с берегов многих рек – и Невы, и Москвы-реки, и Днепра, и Кавказа, и Волги, и теперь уже Стикса...

***
Дипломная работа **Марии РЖЕШЕВСКОЙ** называлась “Книга снов моего отца”. В её стихах подкупало прежде всего обаяние искренности и благородство поэтического замысла автора. Благородство как синоним благодарности дорогому родному человеку – отцу, образ которого с трогательной нежностью пишется такими иллюзорными красками, как неуловимые, таинственные сны-воспоминания... По нынешним циничным и жестокосердным временам благородность и благородство – качества редкие и уникальные, тем дороже и значимей они в творчестве молодой поэтессы...

Одно из лучших стихотворений в “Книге снов...” переливается светлыми красками, тонкой интонацией, тем, что Бунин называл “лёгким дыханием”:

*Когда на синих полях
цветёт смородина,
Я закрываю глаза и вижу маму так,
Как если бы она была жива.
Она, в венке из васильков и платве,
Учит меня
ловить речных стрекоз...
Я открываю глаза...*

А вот иной сон, точный по ощущению, когда человеку трудно проснуться, освободиться от паутины “бессмыслицы мыслей”, от “бессвязности” и повторения одних и тех же слов, произнесённых в непреодолимой немоте губ:

*Здесь сбываются сны,
не успею мне присниться ещё.
Здесь Господь слышит
каждое слово, что я не сказала.
Только нет здесь тебя,
нет тебя, нет тебя, нет тебя.*

В этих импрессионистических снах даже письма “на поверхности чаяных криков”, когда, по сути, нейтральные повторяющиеся слова “нет тебя, нет тебя” звучат как болевой сигнал, как разрывающееся от страдания сердце.

При всей эфемерности используемого материала, каковым являются “сны”, в поисках ответа, “что там, на той стороне облаков?”, Мария Ржешевская в мире ирреального умеет воспроизводить фактурность реального мира:

*Мне кажется,
Облако чем-то очень похоже
На свежееоторванный лист
матери-мачехи:*

*С одной стороны –
нежный пух мягко касается кожи,
С другой – плотный, жистый,
как шея тягловой лошади...*

И тогда та жизнь, которая ушла в эти сны, воспоминания, в этот полутуман, начинает проступать узнаваемыми деталями, красками, жемствами, лицами...

Поэтический потенциал Марии Ржешевской очевиден. После полётов во сне с дорогим и, безусловно, мудрым человеком, каким предстаёт в её воспоминаниях отец, сама Мария приобрела ту человеческую мудрость, которая открывает новое зрение в постижении жизни:

*Дом живёт, и двор живёт, и город.
Голуби кружат над мостовой.
Как прекрасен этот мирный день!
Мирный день
чужой прекрасной жизни.*

Плохой поэт банально закончил бы строкой: “Как прекрасен этот мирный день!”, настоящая поэтическая интуиция подсказывает иной, необычный

финал:
*Как прекрасен этот мирный день!
Мирный день
чужой прекрасной жизни.*

С таким опытом молодую поэтессу Марию Ржешевскую можно смело отпустить в свободное поэтическое плавание!

***
Вячеслав ПАМУРЗИН – явление необычное на горизонте нашего поэтического семинара. Он как пульсар: то возникал на занятиях, то исчезал... Но все эти вспышки были яркими, запоминающимися, как и сама личность этого одарённого поэта. Технарь по первому образованию, он также осно-

вательно изучил и теорию стихосложения, и к нему, как к “Поэтическому словарю” Квятковского, в любой момент можно было обратиться за помощью, и тогда из него, как из рукава иллюзиониста, с лёгкостью необыкновенной сыпались пеоны, центыны, анжамбеманы, икты, пиррихии...

Поначалу я, правда, был слегка обеспокоен такой учёностью, помня гётевское предупреждение: “Сука теория, мой друг, но древо жизни вечно зеленее!”. Известно также, что среди теоретиков литературы почти не встречаются хорошие писатели, редкий случай – Андрей Белый, блестящий поэт и теоретик стиха, исследователь литературы. Однако первое же знакомство со стихами Памурзина развело все опасения: с “Древом жизни” всё у него было более чем в порядке. Это “древо” в его стихах не только буйно “зеленело”, но и фонтанировало реалиями современной жизни, молодёжным сленгом, богатством лексических красок, парадоксальными синтаксическими сдвигами (своего рода, синтаксическими неологизмами!), создающими живую, энергичную интонацию... Одним словом, в них была гремучая смесь горькой иронии Венички Ерофеева, раннего Заболоцкого, безбашенности Ерёменко, изысканности Дениса Новикова и некоторой башлащивости роковости. И всё это – при абсолютном артистизме исполнения, поэтической отделке, шлифовке стиха, создающей иллюзию лёгкости и свободы каждой строки без потери серьёзной смысловой нагрузки стихотворения в целом. Вот одно из характерных (хотя у него все – характерные!) стихотворений:

*...Сколько рак на горе
головой ни крути,
Ни свисти, полыхая от гнева, –
Мне ни прямо пойти,
ни направо пойти,
Ни налево, ни даже налево.
Направо пробьюаю дорогу мою
В глубину, в тишину, по спирали.
Не о том говоря, ни о чём говорю,
В кровь о камни календы стирая.*

В определённом смысле, это филологическая поэзия, которую (как стихи Хлебникова) практически нельзя пересказать, перевести на другой язык. Существовать, жить, фонтанировать она может только в стихии русского языка, в его полифонии, в его безграничных семантических регистрах, дающих широкий простор для создания смысловых неологизмов, таких, к примеру,

как “В кровь о камни календы стирая...”. В этом особая свежесть и новизна стихотворений Вячеслава Памурзина. Его поэзия расширяет возможности современного языка, как бы взламывая его, расщепляя – выбрасывая наружу скрытую в нём внутреннюю энергию.

***
Стихи **Анны ГУРКОВОЙ** я включил в раздел дебютантов составленной мною престижной антологии “Русская поэзия. XXI век” (2010 г.). Как составителя поэтических сборников, меня особенно радовало, что антологию XXI века завершали сильные стихи молодых, которые, как мне кажется, глубоко осознают свой выбор, на какую стезю вывели их судьба. Для этих молодых поэтов (как и для авторов нашего семинарского сборника!) XXI век и будет своим, это им предстоит принять на себя свою долю русской судьбы и русской истории со всеми их грядущими драмами и испытаниями...

Внимательный читатель заметит, что стихи Гурковой, быть может, самые тревожные и драматичные в нашем семинарском сборнике. И если у Чехова о писательстве сказано: писатель – не врач, а – диагноз, то поэзия Гурковой нередко берёт на себя и саму болезнь времени, эпохи, человека, меняющегося как вид, утрачивающего сострадание, чистоту, совестливость... Но для того, чтобы чувствовать трагическое несовершенство мира и своё собственное несовершенство в нём, нужно самому быть очень совестливым человеком. И это очень русская черта, которая всегда отличала исповедальную и совестливую отечественную поэзию и литературу в целом – на всём мировом пространстве культуры. Стихи Анны Гурковой порою похожи на оголённые, до предела натянутые нервы, физически чувствующую боль, и становится тревожно – не оборвались бы эти отзывчивые струны:

*"Не песня страшная,
а распевочка.
Найдите Бога
хоть одного!" –
"А что ты знаешь о Боге,
девочка?" –
"Не знаю, милые,
ничего..."*

*Свою рубашку
носи-донашивай,
В какой с рожденья,
другой не шить.
Не стыдно в лапках чужих
выпрямлять
Клочочки воздуха для души?*

Но если в прежних стихах Анны Гурковой причиной внутреннего напряжения, страдания были в какой-то степени личные мотивы, факты личной биографии, то теперь всё чаще поводом для творчества становится та самая “трещина мира”, которая, по словам Гейне, проходит через сердце поэта:

*Даже не то,
чтобы слышном в памяти березу,
Просто нахлынуло вдруг
и сквозняк по коже...
Осень, дорожа из школы,
мальчишки кричат: "Абу", –
Бьют и плют, на макуку –
сменяются – она похожа.
Дальше одна, домишки и скляток,
старое пальтецо,
Вечный российский ветер
шалый и вольный –
Видеоря... Не помню её лицо...
Помню, что ей было больно,
а им не больно.*

Характерной чертой поэзии Анны Гурковой является богатая лексическая палитра её стихов, разговорная интонация, фольклорные мотивы, метрическое разнообразие. Все эти версификационные средства, поэтическая техника наполнены смыслом, глубоким содержанием, пропущенным через сердце автора, а не показной игрою в слова. И всё же драматизм ранних стихов Анны Гурковой носил, если можно так выразиться, несколько приземлённый, даже бытоволённый характер. О творческом росте, о поэтической зрелости поэтессы говорит совершенно новое качество её стихов последнего времени. В них появилось доложданное Небо, тютчевское метафизическое пространство:

*И силою брызгал-тунейдца
Прдйсь с работы
и подушку в жулт.
И старости, и немощи бояться
Не хочется. Ведь как-то да живут*

*В неисчислимых скорбях
и болезнях,
В разрухе зимней, с небом аки дым,
И Божий дух
всё носится над бездной,
Над миром, сотворённым и назим.*

Происходящие художественные и мировоззренческие перемены в творчестве Анны Гурковой свидетельствуют, что её ждут новые открытия, в том числе и открытия самой себя – неожиданной, незнакомой, зоркой не только к мрачным земным сторонам жизни, но и открывающей для себя и для читателя источник света...

***
Яна СОЛОВЬЁВА для меня, в первую очередь, безусловный представитель южной школы, но не той, одесской, которую в лице Багрицкого Шкловский определил как “юго-запад”, а другой, живописной, самобытной в языке, красках, мелодике, тематике школы Григория Сковороды, Гоголя, Лины Костенко... Оттого стихи Соловьёвой (без так называемой этнографической плакатности) всегда по-южному с запахом солнца, яблок и мёда и Медового Спаса. В них есть истинный звук, невыдуманый, не фальшивящий ни единой нотой, даже там, где иногда могут случиться редкие сбои... Особенностью поэзии Соловьёвой является тяготение к форме стихотворных циклов, подобных музыкальным “Картинам с выставкой” Мусоргского или “Временам года” Чайковского и Вивальди. Из коротких миниатюр поэт будто составляет сверкающие красками фрески. И в центре этих фресок, да и всей поэзии Соловьёвой, словно в куполе храма, зримо или незримо всегда присутствует Творец... Светлая, чистая интонация... Непоказная или наступательная неоситская вера, но тайно, глубоко растворённая в православной ткани каждого стихотворения, в основе которого восхищение миром – Божьим творением... Такой своеобразный православный пантеизм, разлитость во всё небесной чистоты, у которой есть Теург, Создатель... Оттого и главная тема поэзии Соловьёвой – “Доброта, Красота, Любовь. Красота мира, где всякое дыхание славит Бога:

*Станет будить
запах яблоны медовых.
Зашевелятся леса.
И приспаяется в сладко-зелёных
травках роса...*

Когда попадаешь в мир таких поэтов, нелегко вспомнить слова Сергея Есенина, замечившего однажды, чем отличается его поэзия от стихов Маяковского: “Он поэт для чего-то, а я от чего-то”... Яна Соловьёва поэт “от чего-то”, в её стихах есть тайна, знание о том мире, о котором может поведать только настоящая поэзия.

***
В творчестве **Антон Копача** (художника-иконописца по основной профессии) есть чувство детали, краски, звука, точной и верной интонации – спокойной, не надрыной, идущей от культуры... Эта интонация присуща и его стихам, неторопливым в своей лирической медитативности, тяготеющим к сюжетности. В некоторой импрессионистической размытости письма Копача просвечивает настоящая глубина, внимательный взгляд художника... Его картины достоверны и зримы, кажется, ты сам подглядел их однажды, то ли во сне, то ли в далёком детстве, то ли в наивных борющихся Ксении Некрасовой... Но любой пейзаж всё-таки пуст без человека, только человек через свой духовный опыт соединяет землю и небо, природу и смысл бытия. И Антон Копач очень точно передаёт эти тонкие связи между человеком и природой. Гармоничный в своих стихах, он всё время как будто стремится внести гармонию в дисгармоничный мир, своими красками и словом пытается поставить предел всемирному хаосу...

***
Закончить эти заметки я хотел бы пророческими словами гениального Константина Леонтьева, который, словно провидя духовным зрением современную нашу тягу утнаться за утилитарным прогрессом и цивилизацией, писал: “Чем знаменита, чем прекрасна нация? – Не одними железными дорогами и фабриками, не всемирно-удобными учреждениями. – Лучшее украшение нации – лица, богатые дарованиями и самобытностью. – Лица даровитые и самобытные не могут быть без деятельности творчества: – когда есть лица, есть и произведения, есть деятельность всякого рода”.

Писание стихов – не самоцель, где главное – ловко срифмовать и удержать в рамках заданного размера. Следовательно, надо писать не стихи, а писать стихами, как художник пишет красками, а не просто наносит их на холст в определённом порядке.

Об этом я думал, когда читал книги Андрея Облога, подаренные мне автором во время наших встреч на приднестровской земле. Ведь в 1992 году он защищал свою великую Родину на дальнем её рубеже, что проходит вдоль сегоднего Днестра. Высокая гражданская позиция не позволила поэту ждать, когда националисты Молдовы расправятся с народом Приднестровья. Казак, офицер, человек неординарный, он не смог остаться равнодушным к страданиям и боли людей в пылающей “горячей точке”, как впоследствии в Абхазии и на Балканах. Воинской старшина, православный, генетически избрав путь защитника Родины, встал плечом к плечу с приднестровцами на Кошкинском плацдарме страшной кровавой весной 1992-го... Был удостоен высшей воинской награды – ордена “За личное мужество”. У Андрея Облога три высших образования: техническое, спортивное, литературное. Инженер, офицер, мастер спорта по боксу. И всё же поэтическое начало в нём первично, в чём убеждаешься, едва открыв книгу. Стихи лучше всего скажут сами за себя:

*Мы старшим в раздумьях о судьбе,
Когда-то мудрыми становимся по праву,
Вдвуг открываея неожиданно себе
Простую и мучительную правду.
Жизнь, ничего не требуя взамен,
Честнейшим напишет повесть.
И никакие ветры перемен
Нам собственную не заменят совесть.*

А это ведь основополагающее. И ничего нового вроде бы не сказал, ничем особо не удивил. Но ему веришь, как бы заново открывая давно уже знакомое. А почему? А потому, что он право имеет на эти слова. И каждое из них обретает некий ореол истинности. Нужны ли в данном случае какие-то разговоры о рифмах и ритме? Перед нами душа человеческая в гар-

моничном своём состоянии. В истинном состоянии – возвышенном, то есть поэтичном. Не хочется рассуждать, а хочется цитировать. У Облога свой стиль, но он многообразен. Вот стихотворение, показывающее, что перед нами подлинный лирик:

*... У звезды спросил я на рассвете –
– Как мне жить, ведь в ней – моя душа?
Усмехнулся над мною ветер
И умчался, листами шуша...*

Читаешь – мороз по коже. А почему? Интонация спокойная, никакой истерии, выдаваемой порой за страстность. Слова самые обычные в поэтическом обиходе: звезда, душа, ветер... Да и рифмы без особых новаций: “рассвете-ветер”, “душа-шуша”. Но всё это в целом работает мощнейшим образом. В чём секрет? В подлинности чувства. А её никакими ухищрениями не заменишь.

Андрей самобытен, но теснейшим образом связан с традициями классической русской поэзии. Вот отрывок из самого первого стихотворения книги “Так в чём же сущность бытия?..”

Задаётся вроде бы риторический вопрос:
*Не лучше ль медленно гореть,
В самом себе утратить пламя,
Чем зябнущего обогреть
Своим прерывистым дыханием?*

Что напоминает? Да Заболоцкого напоминает! Его знаменитое:

*Не лучше ль медленно гореть,
В самом себе утратить пламя,
Чем зябнущего обогреть
Своим прерывистым дыханием?*

А если так, то что есть красота, и почему её обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, Или огонь, мерцающий в сосуде?

Но Облог не подражает, он спорит с Николаем Алексеевичем. Ведь дыхание – это тоже горение. И даже интонационно отсылает к стихотворению Заболоцкого, чтобы все знали, с кем идёт дружеский спор. Вернее, даже не спор, а попытка показать, что вопрос можно поставить в другой плоскости – человеческих взаимоотношений. А мне всегда был подозрителен “огонь, мерцающий в сосуде”. Кислород выгорит – и огонь погаснет, если даже этот сосуд – человек. Как бы там ни было, но Облог мне в данном случае ближе почитаемого Заболоцкого. Хотя Заболоцкий там, где ещё более почитаем мною Державин и Тютчев. Я просто говорю о том круге идей, которые всегда были животрепещущими для русской поэзии и в которые Облог спокойно вступил равноправным собеседником.

Нельзя умолчать об одной особенности

творчества Андрея Облога – он открыто выступает как ученик и стойкий почитатель И.В. Сталина. Шаг вызывающий? Как сказать... Может, вызывающий раздумью? Впрочем, судите сами: *Вождь, порожденный Космосом,
Господом нам испосланный,
Верил по-православному
В Новый Советский Завет.
Всё ты предвидел заранее,
Кроме удиной подлости,
Товарищ Генералиссимус,
Учитель наш и Отец!
Верховный Главнокомандующий*

*Иосиф Виссарионович
Вновь поднимает в атаку –
Красные кони – в карьер!
С гордым именем Сталина
Под алым Священным знаменем
Вновь зазвучит над планетой
Гимн СССР!*

Гражданская позиция и человеческое мужество автора налицо. Я не поклонник методов “либеральной жандармерии”, которая, конечно же, взвзвётся, клопача гневом. Думаю, что любому человеку не запрещено иметь своё мнение по поводу любой исторической личности. И свободно высказывать его. Именно в этом – подлинный либерализм.

Серьёзное, заинтересованное отношение к происходящему в стране, мире, душе человеческой – это основное впечатление от прочтения книг поэта. И оно ещё сильнее на фоне бесконечных пародий и капустников, которыми кормят нас современные идеологи определённого склада.

И просто нельзя не сказать о двух примеча-

тельных сторонах поэзии Андрея Облога. Это спокойствие интонации и чудесный русский язык. Это спокойствие силы, выстраданной убеждённости человека, осознающего свою правоту. А о языке лучше всего скажет вот это стихотворение, вроде бы не блещущее внешними эффектами.

*Есть в имени твоём
Особенная нежность
И тихая печаль
Осенних вечеров,
Когда за перелеском
Чуть забрежжит
Холодный свет осиновых костров,
Когда ещё рассветные туманы
Обходят нас далёкой стороной,
И в глухомань
Нечаянно заманят
Сентябрьских дней
Перебродивший зной.*

В эпоху насаждения буржуазного, а точнее, криминального индивидуализма Андрей Облог придерживается веками выработавшихся у русских принципов соборности. Об этом говорят многие его стихотворения, нет нужды их перечислять. Сейчас повсеместно в поэзии наблюдается откат в сторону Серебряного века, то есть почти на сто лет назад. Как будто и не было советского периода развития русской литературы. А именно Облог в числе немногих своим творчеством показывает, что он достойный продолжатель лучших литературных традиций советского периода. И на его стороне правда. Река может расширяться, сужаться, наводняться, мелеть, извиваться, низвергаться водопадом. Но она никогда не поворачивает вспять и не начинает свой бег заново.

Валентин ТКАЧЁВ